

Litera

Правильная ссылка на статью:

Куприн А.С. — Поэтическая специфика «О гибели Британии» Гильды и «Гесперийских речений»: прагматический аспект и доминантный анализ. К 135-летию со дня рождения Б. И. Ярхо (1889–1942) // Litera. — 2023. — № 12. — С. 176 - 189. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69344 EDN: DUJQVB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69344

Поэтическая специфика «О гибели Британии» Гильды и «Гесперийских речений»: прагматический аспект и доминантный анализ. К 135-летию со дня рождения Б. И. Ярхо (1889–1942)

Куприн Александр Сергеевич

преподаватель, кафедра древних языков и древнехристианской письменности, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

127051, Россия, г. Москва, пер. Лихов, 6, с. 1

✉ al.kuprin@inbox.ru

[Статья из рубрики "Поэтика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69344

EDN:

DUJQVB

Дата направления статьи в редакцию:

16-12-2023

Дата публикации:

23-12-2023

Аннотация: Предметом рассмотрения в настоящей работе стало послание-проповедь бриттского писателя Гильды Премудрого «О гибели Британии» и поэтический текст «Гесперийские речения», написанный на Британском архипелаге (предположительно в Ирландии). Оба сочинения написаны на латинском языке и представляют собой вехи в истории иробританской словесности поздней античности и раннего Средневековья. Консенсусная датировка с точностью до года или по крайней мере декады для обоих памятников отсутствует. "О гибели Британии" написано предположительно в конце V – начале VI вв.; "Гесперийские речения" обыкновенно относят ко второй половине VII в. Послание "О гибели Британии" содержит краткий исторический очерк и обширную

инвективу бриттским королям и клиру. "Гесперийские речения" отражают литературную практику книжников-латинистов, упражнявшихся в стихосложении. В качестве концептуальной базы для настоящего исследования выступают методологические разработки Б. И. Ярхо (1889–1942), изложенные в его фундаментальном труде «Методология точного литературоведения». На её основе автор статьи выделяет комплексы стилистических признаков, композиционное распределение которых отражает выраженность общих для Гильды и автора "Гесперийских речений" (фаминатора) поэтических доминант. Регулярность превалирования тенденции синтаксического замыкания в "Гесперийских речениях" над той же тенденцией в "О гибели Британии" указывает на то, что специфическое отношение к стилистике синтаксиса, актуальное для фаминатора и его поэтического круга, начало формироваться ещё в эпоху Гильды. Ценностная общность обоих текстов, представленная в превалировании определённых поэтических доминант, может служить одним из наиболее серьёзных аргументов в защиту тезиса о прямой преемственности фаминатора от Гильды или литераторов его круга. Можно предварительно согласиться с тезисом Д. О. Торшилова, типологически сближающим литературу фаминаторов с александрийской поэзией (при всей подразумеваемой разнице культурного фона). Развивая сравнение литературоведения с биологией, проводимое Б. И. Ярхо, можно уподобить формальный анализ произведений разных жанров рассмотрению организма в микроскоп, поскольку метод тщательной выборки («забор материала») в нём предпочтительнее, чем тотальный подсчёт по всему тексту. В последнем случае неизбежно лавинообразное накопление погрешностей подсчёта в силу включения в материал большого числа промежуточных и проблематичных явлений.

Ключевые слова:

О гибели Британии, Гесперийские речения, Раннее Средневековье, Гильда Премудрый, стилистические средства, композиция текста, гесперийская литература, латинский синтаксис, стилометрия, средства цитирования

Введение

Предметом рассмотрения в настоящей работе стало послание-проповедь бриттского писателя Гильды Премудрого «О гибели Британии» (*De excidio Britanniae*, далее DEB) и поэтический текст «Гесперийские речения» (*Hisperica Famina*, далее HF), написанный на Британском архипелаге (предположительно в Ирландии). Оба текста написаны на латинском языке в период смены культурных эпох в Европе (от поздней Античности к раннему Средневековью).

Консенсусная датировка с точностью хотя бы до декады для обоих памятников отсутствует. Т. О'Салливан в монографии, посвящённой датировке DEB, указывал на «ок. 515–30 гг., наиболее вероятной представляется нижняя граница этого периода» [\[1, с. 178\]](#); Н. Найем относит написание DEB к ок. 479–484 гг. [\[2, с. 141\]](#). За период написания HF обычно принимается вторая половина VII в. (краткий обзор датировок: [\[3, с. 41\]](#)), не в последнюю очередь в силу склонности исследователей сближать специфику языка HF со стилистическими особенностями сочинений англосакса Альдхельма (ок. 640–709) ([\[4, с. 96–97\]](#) [\[5, с. 47–49\]](#), особенно см. краткий комментарий П. Гирбренди в связи с 5-м письмом Альдхельма [\[6, с. 62\]](#); тж. [\[7, с. 155–189\]](#)). В настоящей статье рассматривается т. н. А-текст

HF, наиболее цельный и пространный памятник этого корпуса (в ссылках: HF-A).

HF традиционно входят в круг сочинений, с которыми сравнивается DEB (как в силу относительно небольшого объёма корпуса латинской литературы древней Британии, так и в силу специфики языка обоих памятников), наряду с «Церковной историей народа англов» св. Беда Достопочтенного, псевдохроникой «История бриттов» некоего Ненния, «Анналами Камбрии» и сочинениями Гальфрида Монмутского. Особенно примечательна работа Фр. Кэрлуэгана, применявшего количественный анализ при исследовании языка DEB [8], отдельно выделяя *vocabulaire hisperique* 'гесперийскую лексику' [8, с. 227–235]. В то же время сличение DEB и HF не должно приводить к чересчур смелому сближению обоих памятников; как указывал М. Лapidж, «Гильду, в силу сложности его латыни, регулярно относили к определённому кругу раннесредневековых авторов, [пишущих на] узнаваемо сложной латыни <...>. Такое сближение затемняло объективные связи текста Гильды с позднеантичными латинскими авторами» [9, с. 27] (перевод мой — А. К.). Некоторому прояснению области, в которой DEB и HF поэтически сближаются, и посвящена настоящая статья.

В качестве концептуальной базы для настоящего исследования выступают методологические разработки Б. И. Ярхо (1889–1942), изложенные в «Методологии точного литературоведения» ([10]; далее МТЛ). Эта широко разветвлённая понятийная система, разработанная энциклопедически образованным автором, может стать важным методологическим источником для современного литературоведческого анализа древнего текста.

В ссылках для DEB используется деление на главы и параграфы по изданию М. Винтерботтома [11], для HF — на стихи по изданию Д. Б. Шабельникова и Д. О. Торшилова [5]; оригинальный текст также приводится по этим изданиям. Перевод текста Гильды мой. В случаях, когда для HF нужно дать перевод, приводится перевод Д. Б. Шабельникова. Вслед за Р. Эллисом и Д. Б. Шабельниковым я называю автора (или авторов) HF *фаминатором* (см. [5, с. 37]).

Основная часть

Методология Б. И. Ярхо. Основным методологическим достижением Б. И. Ярхо следует признать проработанную номенклатуру понятий, концептуализирующих количественный анализ, что проистекает из эпистемологической направленности произведения (на что указывает уже авторская рубрикация), ориентированного не столько на синтез достижений специальной дисциплины, сколько на выработку аппарата с высокой эвристической мощностью. В частности, для каждого этапа исследования очерчен круг релевантных проблем, выделены объекты исследования для каждой из литературоведческих дисциплин (напр., [10, с. 31–54, 77, 79–81 и др.]). Основным материалом для автора служит европейская драма и лирика (Хросвита, Расин, Шекспир, Пушкин, Лермонтов и др.), в том числе малые стихотворные формы (эпиграммы, частушки). В исследовательском процессе Б. И. Ярхо строго разделяет этапы анализа и следующего за ним синтеза. Одним из основополагающих понятий синтеза является понятие *комплекса*, представляющего собой «не агломерат, а органическое целое», «не сумму признаков, а систему» [10, с. 109]. Хотя оно определено весьма общо («комплексом является <...> всякий объект исследования, ибо в теории всё может быть разделено, всё состоит из частей. На практике же всегда исследованию подвергаются такие явления, сложность которых бросается в глаза» [10, с. 109]), по композиции рассуждения

естественно сделать вывод, что речь идёт о комплексе *признаков*, т. е. «произвольно абстрагированных свойств комплекса» [10, с. 68] (впрочем, при таком определении имеем «круг в определении» (*idem per idem*)). Таким образом, понятие *признака* у Ярхо почти совпадает с таковым в формальной логике. При этом сами комплексы рассматриваются не абстрактно-систематически, а непременно композиционно (категория *сукцессивности*, см. [10, с. 94–95]; см. также у Ярхо очень взвешенную критику композиционной неразборчивости [10, с. 40–41]).

В качестве объекта литературоведческих дисциплин Б. И. Ярхо выделяет звуко сочетания (фоника), грамматические (=морфосинтаксические?) формы (стилистика) и «смысловые формы» (поэтика) [10, с. 73]; литературоведческое «исследование, чтобы быть научным, должно заниматься только объективным составом образа, тщательно выясненным на словесном материале текста» [10, с. 76]. Призывая литературоведение по точности метода приблизиться к биологии [10, с. 28–30 и др.], автор даже уподобляет понятие *произведения* биологическому понятию *индивидуума*, что позволяет ему поднимать вопрос о степени *органичности* тех или иных комплексов и классифицировать их по этому признаку, сравнивая их с полипами, коралловыми колониями, т. н. крысиным королём и т. д. [10, с. 111–117]. Как видно, речь идёт о рассмотрении текста не как дискретной конструкции, в ходе анализа непосредственно разложимой на элементы и связи между ними (метафора кирпичной стены), а как органического целого, между смысловой глубиной и формальной структурой которого имеют место сложные отношения, описываемые путём анализа композиционного распределения доминирующих признаков, *доминант* [10, с. 120–127]. Таким образом, на основании воззрений Б. И. Ярхо тезис о единстве формы и содержания, высказанный ещё Б. В. Томашевским [12, с. 7] между написанием МТЛ и её выходом в свет, получает как более глубокое идейное фундирование, так и непосредственное практическое значение.

Можно сказать, что категориально концепция Б. И. Ярхо отличается от традиционного литературоведения приблизительно так же, как в индоевропеистике теория волн отличается от теории ветвей (ср. с [10, с. 346], где автор обращается к физической теории волн). Умеренную эпистемологическую критику теории Ярхо см. в статье М. Шапира в том же издании [13]. Так как позиции Б. И. Ярхо свойственен биологический позитивизм, что особенно заметно в наполнении литературоведческих категорий «с оглядкой» на биологию (напр. [10, с. 111–113]), обращение к предложенному учёным аналитическому аппарату требует систематической переработки, особенно в случае сравнительного анализа разножанровых текстов.

Рецепция методологии Б. И. Ярхо. В свете вышесказанного ценностное ядро теории Б. И. Ярхо можно свести к следующему: а) рассмотрение всех аспектов структуры произведения строго в свете композиции (ср. с теорией поэтики композиции и «точки зрения» Б. А. Успенского [14]); б) метафора «живого организма», противодействующая безрефлексивному механическому дроблению произведения в ходе анализа; в) высокая компаративистская (а в перспективе – и типологическая) ценность за счёт категориальной концептуализации статистических данных.

Во-первых, следует отметить, что, хотя Б. И. Ярхо в некоторых главках обращается *ad hoc* к материалу романов, его концепция построена в стиховедческом ключе, так что даже весьма несхожие между собой жанры (напр., эпиграммы и трагедии) предстают в ней априорно соизмеримыми по формальному признаку (как минимум метрическому). Во-

вторых, в настоящем исследовании мы сравниваем тексты столь несхожих жанров (притом жанров, по-видимому, синкретических), что количественные показатели становятся применимыми лишь ограниченно — в силу разницы применения формальных стилистических средств в DEB и HF.

Отсюда позиция Ярхо принимается нами как *теория, в рамках которой поэтические структурные подсистемы поняты как композиционно данные комплексы признаков, отражающие внутреннее единство целого (метафора организма)*. В таком случае количественный анализ выступает как подлежащая концептуализации и, как следствие, удобоструктурируемая и удобообозримая процедура. Это необходимое на данном этапе исследования понимание, т. к. нужно прежде определить и описать круг конституирующих произведения комплексов и лишь затем выделять доступные для подсчёта единицы этих комплексов, которые притом могут оказаться разнопорядковыми. На данном этапе анализа есть основания предполагать, что в DEB средства включения несобственного текста (citation devices, Führungsmittel) обладают рядом изоморфических (по отношению к нижеуказанным доминантам) признаков, так что их описание и исчисление проблематично. Последнее будет удобоосуществимо после построения «деревьев» сверхфразовых рядов при цитатах в DEB — наподобие того, что я в общем виде показал в статье о стиле DEB [\[15\]](#). В нижеследующем анализе протяжённые цитаты в DEB описаны только с одной стороны, количественной (как элементы *нагромождения*), но не со структурной.

В ходе исследования оказалось необходимым обращать особенное внимание на выделение соразмерных текстуальных единиц, подлежащих формальному описанию, а равно и на теоретический синтез данных, полученных в ходе количественного формального анализа. Проблема соразмерности не могла быть решена на уровне целого текста: DEB поделено на несоразмерные параграфы — не по произволу издателя, а в силу того, что сами «абзацы» обнаруживают весьма неодинаковую степень парцеллируемости (так, напр., глава 66 примерно в 4,5 раза больше главы 2 и в 2 с лишним раза больше главы 3, однако ни одну из них нельзя разделить в качестве материала анализа). Ввиду этого анализ проводился на избранных отрезках DEB, к которым подбирались соразмерные отрезки HF-A. Притом выделенные ниже формальные стилевые признаки наблюдаются на протяжении авторского текста обоих памятников (под неавторским текстом я имею в виду обильное цитирование Гильдой Библии), т. е. стиль Гильды в существенной мере единообразен, как и стиль фаминатора.

Вышесказанное не устраняет вопрос *распределения* формальных признаков какой-либо эстетической тенденции. Поэтому мы, хотя и воздержимся от вычисления *пропорций* и коэффициентов, всё же дадим некоторые количественные данные, сосредоточивая анализ на описании частотных признаков. Исчисляемой величиной выступают стилевые *доминанты* [\[10, с. 120–127\]](#), а единицей исчисления — *формальные признаки*, входящие в определение доминанты (так как речь идёт о комплексах стилевых средств, первостепенных для формирования структуры и жанра текста, анализируемые доминанты одинаково релевантно называть как стилевыми, так и поэтическими). Такой подход (его можно назвать *стилометрическим*) позволит говорить о степени выраженности общей поэтической тенденции (или, проще, о поэтической общности) обоих памятников. Мы не будем специально задаваться вопросом о лексическом (через посредство глоссариев или нет) наследии DEB в HF.

Формулировка требующих исчисления доминант будет выполнена в ходе *прагматического* анализа, т. к. поэтическая структура текста постулируется

прагматическими отношениями. Таким образом, в ходе исследования будет совершён т. н. герменевтический круг: вычлененные в общем виде с позиции прагматики стилевые доминанты будут исчислены и описаны, что даст основание для синтеза формальных данных в проблемном поле эстетической общности DEB и HF.

Об анализе прагматики текста. Согласно Б. Успенскому, «прагматика композиционного построения рассматривает проблемы композиции произведения в связи с его читателем, т. е. тем, кому адресован данный текст. Композиционное построение может специально предусматривать определённое поведение читателя — таким образом, что последнее входит в расчёты автора произведения, как бы специально программируется им» [\[14, с. 164\]](#). Таким образом, прояснение прагматической специфики текста строится вокруг известной коммуникативной рамки «адресант — сообщение — адресат». Из всего спектра проблем прагматики указанных текстов нас интересуют именно те, которые способны объяснить конкретную поэтическую структуру, исследуемую в рамках анализа доминант.

Адресант и адресат. Тип авторской речи, представленный в DEB и HF, в общем виде можно охарактеризовать как *говорение от коллектива* (или, в психологическом ключе, — *коллективистское мышление*): основными героями изображения как со стороны фаминатора, так и со стороны Гильды выступают *группы* людей (в HF — не только людей), так что любой описываемый конфликт понимается авторами как противостояние не личностей или идей, а в первую очередь групп и представителей групп. Можно сказать, что как Гильде, так и фаминатору не чуждо «партийное» мышление, однако если в DEB в качестве адресатов инвективы действительно вовлечены политические и церковные партии, то в HF речь идёт о литературном «кружке», который, впрочем, подобно партии, мыслится эзотерически (типологически естественное явление, ср. с поэтическими братствами и товариществами в биографии Алкея, Горация, Алкуина, Данте, Е. А. Боратынского, Н. С. Гумилёва и многих др.).

Поэтика количества. В DEB наиболее ярко эти групповые оппозиции формулируются в DEB 27 (инвектива царям, *reges*, и судьям, *iudices*) и DEB 66 (инвектива клиру, *sacerdotes*, *clerici*). Кроме того, среди интересующих Гильду партий особую группу составляют ветхозаветные пророки (*sancti vates* 37.3), подобно политической партии имеющие своего предводителя (*auctor prophetarum* Esaia 42.1). Именно на фоне «партийного мышления», т. е. привычки автора мыслить политико-историческую реальность как арену столкновения коллективных сил, заметно, насколько трагически переживается Гильдой одиночество его манифестации: «в ревности по дому Господню, священному Закону, сподвигаемый ли [собственными] аргументами и соображениями или благочестивыми молитвами братьев, ныне выплачиваю заём, полученный весьма давно» (DEB 1.16). Именно в этом отношении образ автора смыкается с образом ветхозаветного пророка, поставленного на одинокое и неблагодарное служение.

В HF эта поэтизация количества приобретает более тотальный принцип; это не только «партийность» (*cuique adheretis rhetori 'какого держитесь ритор'* HF-A 21), но и перечисление «двенадцати пороков авзонийского неба» (причём числительное *bis senos* HF-A 116 стоит в сильной позиции: не просто в начале стиха, но и в начале самого «каталога» в принципе и, если принимать точку зрения, что «двенадцать пороков» представляют собой отдельный текст, – в начале текста), и «каталог животных» (HF-A 146–184), избыливающий подлежащими во множественном числе (в качестве подлежащего даны и собирательные существительные, такие как *sigia* 'собрание, стая' 146, *coetus* 'сонм' 154, 164), и описание неба (HF-A 358–380; помимо числительного

quinos 'пять' HF-A 366 отметим также изобилие существительных во множественном числе) и т. д. Показательно, что собственное поэтическое творчество также описывается фаминатором в категориях количества (напр., loquelas strues 'груды словесные' HF-A 359), что весьма ярко выражено в описании самих книжников (HF-A 497–512): в нём из 25 существительных 21 употреблено во множественном числе, причём из четырёх оставшихся одно является собирательным (caterva 'рать' 497), а ко второму (ligo 'расцветка' 499) дано прилагательное multigenus 'разнообразный', так что образность количества не передают только 2 существительных (8% от всех существительных фрагмента).

«Эстетика виноградной лозы». «Первым [в гесперийском стихе обычно — А. К.] стоит прилагательное и заставляет ждать существительного, к которому оно относится. Эта энергия ожидания обещанного существительного и есть стержень гесперийского стиха» [5, с. 89]. Это очень тонкое наблюдение Д. О. Торшилова вскрывает собственно поэтико-стилевую специфику HF, которая непосредственно присутствует и в DEB, — удержание внимания читателя за счёт обильного использования интонационного напряжения; последнее достигается с помощью инвертированного порядка слов, так как в письменной записи это едва ли не единственный способ распределить интонационное напряжение. Этот общий для HF и DEB стилистический приём непосредственно регулярно прочитывается в тексте, так что нет никакой нужды доказывать его наличие в обоих текстах; количественный анализ призван лишь оформить и прояснить конкретную структуру этого стиля, с помощью которого Гильда и фаминатор добиваются желаемого психоэмоционального эффекта.

Такое использование синтаксиса представляет собой непосредственное литературное (говоря формально, лингвистическое) приложение эстетической ценности авторов, своеобразную *поэтику количества*, которую с точки зрения психолингвистики можно рассматривать как отражение вышеуказанного «коллективистского мышления».

Поскольку такие эстетические (поэтические) явления, как отмеченная Д. О. Торшиловым «энергия ожидания» члена предложения, легко поддаются метафорической концептуализации, описываемый нами стиль можно назвать *эстетикой виноградной лозы*, поскольку и Гильда, и фаминатор как бы заставляют читателя скользить взглядом по строке (виноградной лозе) с целью отыскать «замыкающее» слово (виноградную кисть), причём у Гильды, в отличие от автора HF, длина «лозы» непредсказуема.

О принципах доминантного анализа. «"Правила" (точнее, принципы) гесперийского стиха не требуют безусловного выполнения — они выполняются в большинстве случаев, и не всегда в подавляющем большинстве. <...> Фаминатор *всегда* волен выбирать между различными типами стиха или даже создавать *ad hoc* новый, более или менее соответствующий общим принципам. Но сами эти *принципы* (не *правила*), вне всякого сомнения, существуют» [5, с. 86] (курсив автора). «Сознательное пренебрежение деталями есть основополагающий принцип "Речений"» [5, с. 131]. Именно эта тенденционная нестрогость является одним из оснований для формального анализа: в случае тотального соблюдения выделяемых нами стиливых средств измерять было бы нечего (как, например, невозможно говорить о более или менее оригинальном лексическом наполнении той или иной части А-текста HF, поскольку оригинальность словаря взята фаминатором как тотальный принцип). Так как настоящий анализ носит сравнительный характер, нас интересуют лишь общие для обоих текстов стиливые доминанты.

Из двух нижепредставленных стилевых доминант, общих для HF и DEB, доминанта замыкания наиболее полно подвергается количественному анализу. Для доминанты нагромождения вкратце дана характеристика и сделана попытка проблематизации её формального описания в будущих работах.

Доминанта замыкания. Замыканием я называю случаи «натяжения» синтаксической связи, когда между двумя носителями синтаксической связи помещаются другие члены предложения или придаточные предложения, а также когда два носителя синтаксической связи (т. е. две пары словосочетаний) употребляются в определённом порядке (см. ниже). Этот синтаксический приём обильно используется обоими авторами. Именно на фоне *регулярности* специфического порядка слов такие приёмы, как анафорическая инверсия сказуемого «**habet Britannia rectores, habet speculatores**» (DEB 1.14) и «синтаксический» охват (*inclusio*; о нём см. [\[16, с. 573\]](#)) «**sciebam misericordiam Domini, sed et iudicium timebam**» (DEB 1.11), становятся особенно выразительными (здесь и ниже члены одного словосочетания обозначены полужирным; члены «переплетённого» с ним или «окольцованного» им другого словосочетания — курсивом).

В ходе анализа специфической проблемой стало определение членов замыкания. В итоге за случай замыкания принимались:

- а) «натяжение», или постановка между подчиняющим и зависимым членами словосочетания более 2 членов предложения;
- б) «вкладывание», или постановка придаточного предложения (не считая вводных конструкций) внутри пары таких членов словосочетания;
- в) «плетение», или употребление членов двух словосочетаний «в шахматном порядке» (типа «**quid insipientibus loquatur pastoribus**» (DEB 80.1); в терминологии Шабельникова — Торшилова *перекрёстный стих* [\[5, с. 91\]](#));
- г) «окольцовка», или употребление одного словосочетания между членами другого (типа «**alienum admovendo altari ignem**» (DEB 1.3); в терминологии Шабельникова — Торшилова *круглый стих* [\[5, с. 91\]](#)).

В во всех указанных случаях сочетание подлежащего и сказуемого считается словосочетанием. Отдельного комментария заслуживает выбор дистанции между членами натяжения (пункт а). Без подсчёта разделяющих члены натяжения членов предложения учитывались бы и предложения, которые соответствовали бы критерию лишь в силу соблюдения классического латинского литературного порядка слов. Действительно, предложение типа *cum sciret eorum opera* (DEB 59.4) нельзя называть замыкающим в том смысле, в каком мы постулируем это для, напр., *haec* <придаточное предложение, косвенное дополнение, два обстоятельства> *volvens* (DEB 1.13). Отстояние управляющего слова на два члена предложения от управляемого принято за немаркированное, т. к. предполагается, что наличие у этих слов по одному зависимому члену (типа *quis vestrum sponte expleverit* DEB 102.2) в общем нестилевая длина предложения. Это предположение косвенно подтверждается синтаксисом цитирования (*citation devices*) у Гильды, где маркер цитирования *inquit/inquiens/ait* 'говорит' отстоит от начала цитирования на 1-2 слова (есть два исключения: DEB 50.2, 97.1)

Так как указанные типы замыкания выражают поэтические тенденции текста не в равной мере, требуется найти способ дифференцировать условную степень выраженности

тенденции. Наиболее релевантным представляется деление на низкую (условное обозначение: +), умеренную (++) и высокую (+++) степени выраженности тенденции. К классу «+» отнесём случаи натяжения (которое можно понимать как незначительную трансформацию обычного порядка слов, одно *соблюдение* которой, впрочем, является стилевым), к классу «++» отнесём случаи типа б-г (в силу их большей выразительности). Описываемые пунктами б-г явления отличаются от натяжения своей «экземпляриальностью», подчёркнуто строгим расположением членов предложения. Подсчёт условных баллов и представляет собой приближённое описание выраженности тенденции.

Важно отметить, что формулировка пункта а, как и определения в прочих пунктах, ориентирована не на длину предложения, а на его специфическую «круглую» структуру: так, напр., короткое придаточное предложение **quem** ille cruda stoliditate caecatus **non viderat** (DEB 1.15) подпадает под его критерий именно потому, что Гильда предпочёл свою любимую конструкцию, не сблизив прямое дополнение quem (равное как и подлежащее ille) со сказуемым non viderat. Другим экспрессивным вариантам типа ***quem non viderat** ille cruda stoliditate caecatus, ***quem** ille **non viderat** cruda caecatus stoliditate был предпочтён именно «замыкающий» вариант. Тем менее стоит признавать за случайное или нестилевое явление такую структуру предложения, как, напр., в DEB 3: главка целиком организована как цепочка именных (причастных) сказуемых при одном подлежащем (формально это конструкция из *participia coniuncta*, полученная эллипсисом глагола *esse* 'быть': *Britannia insula — librata — tenens — vallata — meliorata — decorata — ornata — irrigua*), причём каждому сказуемому, кроме последнего, *предшествует ровно одно* придаточное предложение. Спустя один абзац эта структура повторяется (4.2-4), но уже зеркально (*omittens — nec enumerans — inclamitans — tacens — proferre conabor*); за каждым причастием *следует одно* придаточное предложение, за последним — два (*qui <...> vulgati sunt, ita ut Porphyrius <...> adnecteret*).

Хотя, в отличие от текста Гильды, в HF плетение и окольцовка нередко содержат не 4, а 5 членов (симметрию двух пар словосочетаний «нарушает» сказуемое), на подсчёт это не должно было повлиять: в гесперийском сказуемое как раз играет роль «метрического» стержня, вокруг которого и строятся знакомые нам структуры; иными словами, наличие в стихе сказуемого — первостепенный принцип, конституирующий доминантные признаки типа окольцовки и др., а не искажающий их. Таким образом, например, ситуация типа **titaneus olimphium inflammat arotus tabulatum** (HF-A 133; *inflammat* 'возжигает' — сказуемое) рассматривается как условно эквивалентная ситуации типа **suspecta semper mente credentes** (DEB 25.1), т. к. принципиально наличие специфической синтаксической структуры, а не специфического расстояния между членами. Вкладывание по законам гесперийского стиха если не невозможно, то трудноосуществимо и потому не рассматривалось.

В следующем абзаце в целях наглядности привожу примеры анализа некоторых глав DEB. За ними следует сводная таблица для выборки глав DEB и соответствующих им по объёму отрезков HF-A. Выделение соразмерных отрезков произведено путём подсчёта слов, выбраны только законченные отрезки («абзацы»).

DEB 87.1 (19 слов): 1 случай плетения (**de vestris olim comessoribus disceptaverit**) и 1 случай натяжения (*quid <...> disceptaverit*). Итого: 3 балла. DEB 83.1 (20 слов): 2 случая натяжения (*quod <...> edixit; monens <...> edixit*) и 1 случай окольцовки (**deflens detrimentum populi pro iniquitatibus**). Итого: 4 балла. DEB 61.1 (22 слова): 3 случая натяжения (*Ezechiel <...> edixerit; cui <...> deflenti; dominus <...> ait*), 1 случай

окольцовки (**miserabiliter plagam Israel deflenti**). Итого: 5 баллов. DEB 2.1 (87 слов): 1 случай нагромождения (24 дополнения с предлогом de), 2 случая вкладывания (ante promissum <...> conamur; de victoria <...> dicere), 1 случай натяжения (quae <...> donata est). Итого: 8 баллов. DEB 10.1–2 (94 слова): 5 случаев натяжения, 2 случая окольцовки (**crassa atrae noctis caligine; non minimum intuentium mentibus ardorem**), 2 случая вкладывания (qui <...> accendit; loca <...> incuterent). Итого: 13 баллов. DEB 3.1–4 (174 слова): 2 случая натяжения, 5 – окольцовки, 5 – вкладывания, 2 – плетения. Итого: 26 баллов.

В ячейках левого столбца через дробь даны ссылки на сравниваемые попарно фрагменты. В скобках при ссылках указано количество слов анализируемого отрезка. В ячейках среднего и правого столбцов слева от двоеточия приведено общее количество баллов для соответствующего отрезка, справа от двоеточия — количество случаев выявления слабой, средней и сильной степени выраженности тенденции (в виде множителя).

DEB / HF-A	DEB	HF
48.1–3 (9) / 331–332 (8)	3+: 1(+), 1(++)	4+: 2(++)
87.1 (19) / 133–136 (18)	3+: 1(+), 1(++)	8+: 4(++)
83.1 (20) / 477–480 (20)	4+: 2(+), 1(++)	7+: 1(+), 3(++)
61.1 (22) / 503–508 (24)	5+: 3(+), 1(++)	8+: 2(+), 3(++)
41.2 (40) / 345–353 (43)	10+: 2(+), 4(++)	15+: 1(+), 7(++)
14.1 (46) / 452–460 (47)	7+: 3(+), 2(++)	16+: 2(+), 7(++)
38.1 (53) / 93–102 (57)	12+: 2(+), 5(++)	20+: 4(+), 8(++)
25.1 (66) / 253–264 (61)	14+: 4(+), 5(++)	20+: 2(+), 9(++)
2.1 (87) / 531–546 (87)	8+: 1(+), 2(++), 1(+++)	23+: 5(+), 9(++)
10.1–2 (94) / 596–612 (99)	13+: 5(+), 4(++)	35+: 5(+), 15(++)
15.1–3 (107) / 1–21 (105)	11+: 5(+), 3(++)	31+: 5(+), 13(++)
3.1–4 (174) / 146–189 (170)	26+: 2(+), 12(++)	74+: 12(+), 31(++)

Приведённые данные подтверждают то, что было предварительно сказано выше в рамках прагматического анализа. Так, у Гильды исследуемые стиливые приёмы служат средством *распределения* интонации и потому для DEB мы не имеем прямой зависимости между нарастанием объёма анализируемого отрезка и количеством баллов, т. е. яркостью стилистической тенденции. Напротив, у фаминатора данные стиливые приёмы формализованы и потому имеют место в тексте более регулярно, хотя и стеснены наличием, например, тернариев. В приведённой выборке (впрочем, теоретически нет препятствий для распространения этих выводов на весь текст HF) гесперийский стих обычно даёт от 0 до 3 баллов (один раз 4 балла: HF-A 503); 0 обычно представляют собой тернарии, а 3 — перекрёстный или круглый стих, больший кватернария; натяжение может иметь место в сенариях и септенариях (изредка в квинариях), плетение обычно встречается в перекрёстных квинариях, окольцовка – в круглых квинариях. В HF предпочтение окончательно отдано готовым конструкциям (см. соотношение множителей в правом столбце), а натяжение встречается реже, притом оно нередко имеет место в одном стихе с плетением или окольцовкой (напр., HF-A 101, 158, 253, 477 и др.). «Нулевые» стихи HF в анализируемом материале: HF-A 4, 6, 13–14, 16, 20–21, 150, 152, 160, 165–166, 172, 177, 183, 255–257, 349, 352, 457, 480, 504, 506–507, 536–537, 542–

543, 546, 598.

Доминанта нагромождения. Нагромождением я называю плеонастический приём, регулярно встречающийся у Гильды, в рамках которого автор перегружает участок текста повторами лексического и/или синтаксического характера, притом столь выразительный, что читателю становится явным интонационное напряжение авторской речи. Эту доминанту можно было бы назвать «доминантой нагромождения сказуемых», однако по меньшей мере для одного яркого случая такая формулировка не оправдывается: в DEB 66 управление сказуемого *habet* 'имеет' распространено практически на весь текст главы, так что имеем дело уже с нагромождением прямых дополнений.

Количественный анализ этой доминанты самой по себе не подвергается концептуализации прежде всего в силу свободы автора использовать его на текстуальном отрезке любого объема («парадокс кучи»): так, если в серии риторических вопросов, начинающихся с форм слова *quis* (DEB 69.2–74.4), отнять или прибавить 10 вопросов, эффект плеонастичности не устраняется. Более того, весь текст Гильды на отрезке 35.4–64.2 можно понимать как одно большое нагромождение – в силу количества и объёма библейских цитат (а также в силу ничтожного в сравнении с ними объёма авторского текста). Весьма схожее явление Б. И. Ярхо усматривал в «Песни о Роланде»: «основная доминантная тенденция автора явно сводилась к предпочтению фигур по признаку плеонастичности без различия грамматической [*sic* — А. К.] природы» [\[10, с. 81\]](#).

Нагромождение является ярчайшим средством вышеуказанной «поэтики количества»; в силу этого оно может быть приравнено к высокой степени проявления тенденции (+++).

В HF трудно найти собственно лингвистическое нагромождение, т. к. в силу формализации синтаксических правил («синтаксического стиха») распределение как частей речи, так и членов предложения (прежде всего глаголов в финитной форме, т. е. сказуемых) приобретает некоторую равновесность и частотность. Однако трудно не усматривать в HF *образного* нагромождения: хотя предложения и повторы не получают такого объёма, как у Гильды, стремление фаминатора к всестороннему рассмотрению поэтического мира кристаллизуется в постоянном переходе от одного образа к другому. В таком случае естественнее говорить о примыкающих друг к другу *разных* нагромождениях на тех отрезках текста, где образы составляют параллельные ряды. Так, например, во «Вступлении» (HF-A 1–115) образные цепочки *рать цветоносная* — *распутья* — *скиптры* — *схватка* — *ручьи* — *члены белые* (похвала книжникам), с одной стороны, и *ворота* — *стада* — *посевы* — *плач* — *супруга* — *ложе* (псогос), с другой, составляют два случая нагромождения (1–19 и 76–86), а не один, так как оба ряда образов конституируются разными топосами поэтической речи. Для обоих случаев можно найти топосы-параллели у Гильды: HF 1–19 = DEB 10.1–2; HF 76–86 = DEB 36.4–6. Отметим, что в первом случае мы имеем не *топос похвалы учёным*, а *топос похвалы товарищам* (ср. со сказанным выше о «партийном мышлении»).

Таким образом, каждый случай нагромождения потенциально проблематичен для сравнительного описания, и, хотя оно незначительно повлияло на вышеприведённые статистические данные, точный количественный анализ нагромождения требует более подробной концептуальной проработки. Так как нагромождение представляет собой явление ни семантического, ни собственно формального порядка, его следует считать формальным явлением с размытыми границами.

Заключение

Трактовка данных анализа. Регулярность превалирования тенденции синтаксического замыкания в HF над той же тенденцией в DEB указывает на то, что специфическое отношение к стилистике синтаксиса, актуальное для фаминатора и его круга литераторов, начало формироваться ещё в эпоху Гильды. Использование определённых синтаксических структур закрепилось в островной (т. е. Британо-Ирландского архипелага) латинской литературе и стало одной из ярчайших черт указанных памятников.

Сводимость стилевых доминант к общим принципам («поэтика количества», «эстетика виноградной лозы»), несмотря на контрастность спектров художественных средств, указывает на возможность эстетического родства HF по отношению к DEB. Постоянство фаминатора и Гильды в соблюдении вышесформулированных поэтических принципов, а также некоторые общие черты т. н. прагматической рамки обоих текстов могут стать основой для проблематизации стилевых и поэтических тенденций островной латинской литературы вообще.

Именно *ценностная общность* обоих текстов, представленная в превалировании определённых стилистических доминант, может служить одним из наиболее серьёзных аргументов в защиту тезиса о прямой преемственности фаминаторов от Гильды или литераторов его круга. Также можно предварительно согласиться с тезисом Д. О. Торшилова, типологически сближающим литературу фаминаторов с александрийской поэзией [\[5, с. 50\]](#) (при всей подразумеваемой разнице культурного фона).

Методологические выводы. Проблематика концептуализации формального сравнительного анализа таких текстов, как DEB и HF, коренится в принципиальной жанровой разнице между памятниками, так что каждый этап анализа необходимо должен предполагать возможность переосмысления критериев подсчёта. Такое переосмысление осуществляется в случае, когда поэтические принципы, присущие одному тексту и чуждые другому, формируют разницу в конкретной структуре проявления одной и той же стилистической тенденции.

Отсюда одной из основных проблем формального анализа становится процедура установления условных эквивалентностей. Действительно, эквивалентность может быть установлена только между формализованными элементами, а формализованность, в свою очередь, выявляется на основании частотности употребления формализуемого автором признака. Поскольку схожие, но не идентичные явления могут иметь одинаковую степень формализации (как, например, окольцовки в HF и вкладывания в DEB), между ними может быть установлена условная эквивалентность (обоим явлениям нами приписано 2 балла), отражающая их функциональную природу.

Развивая сравнение литературоведения с биологией, проводимое Б. И. Ярхо, можно уподобить формальный анализ произведений разных жанров рассмотрению организма в микроскоп, поскольку метод тщательной выборки («забор материала») в нём предпочтительнее, чем тотальный подсчёт по всему тексту. В последнем случае неизбежно лавинообразное накопление погрешностей подсчёта в силу включения в материал большого числа промежуточных и проблематичных явлений. Так, например, в DEB 108.2 (*sane quod sentio proferam*) встречаем вариант промежуточный между окольцовкой и вкладыванием. Более того, даже при наиболее точной формулировке критериев анализа часть стилевых явлений останется за пределами формального описания: так, в качестве самостоятельного члена словосочетания не рассматривался

предлог, хотя есть основания полагать, что Гильда учитывает его в построении указанных конструкций.

Библиография

1. O'Sullivan T. D. The De Excidio of Gildas. Its authenticity and date. Leiden: The Trustees of Columbia University in the City of New York, 1978. 201 p.
2. Nigham N. J. Gildas and Britain in the fifth century. Manchester; New York: Manchester University Press, 1994. 220 p.
3. Carey J. The Obscurantists and the Sea-Monster: Reflections on the *Hisperica Famina* // *Peritia*. № 17–18, 2003–2004. P. 40–60.
4. Orchard A. The Poetic Art of Aldhelm. (Cambridge Studies in Anglo-Saxon England; 8). Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 314 p.
5. Гесперийские речения / замысел, перевод Д. Б. Шабельникова, подготовка текста, статья, комментарии Д. Б. Шабельникова и Д. О. Торшилова, научный редактор А. [И.] Солопов. (Античная библиотека). СПб.: Алетейя, 2000. 375 с.
6. Gerbrandy P. The *Hisperica famina* as an *ars poetica*. An interpretation of the A-text // *Journal of Latin Cosmopolitanism and European Literatures*. № 4, 2020. P. 60–79.
7. Stone B. J. The Rhetorical Arts in Late Antique and Early Medieval Ireland. (Knowledge Communities). Amsterdam: Amsterdam University Press, 2022. 275 p.
8. Kerlouégan Fr. Le de excidio Britanniae de Gildas. Les destinées de la culture latine dans l'île de Bretagne au VIe siècle. Paris: Éditions de la Sorbonne, 1987. 574 p.
9. Lapidge M. Gildas's Education and the Latin Culture of Sub-Roman Britain // *Gildas: New Approaches* / ed. by M. Lapidge and D. Dumville. (Studies in Celtic History; 5). Woodbridge, Suffolk: Boydell Press, 1984. P. 27–50.
10. Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы / издание подготовили М. В. Акимова, И. А. Пильщиков и М. И. Шапир; под общей редакцией М. И. Шапира. М.: Языки славянских культур, 2006. 927 с.
11. Gildas: The Ruin of Britain and Other Works / ed. and tr. by M. Winterbottom. London, Chichester: Phillimore & Co. LTD., 1978. 163 p.
12. Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР. Ленинградское отделение, 1959.
13. Шапир М. И. «Тебе числа и меры нет»: О возможностях и границах «точных методов» в гуманитарных науках // Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы / издание подготовили М. В. Акимова, И. А. Пильщиков и М. И. Шапир; под общей редакцией М. И. Шапира. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 875–905.
14. Успенский Б. А. Поэтика композиции // Успенский Б. А. Семиотика искусства. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 7–218.
15. Куприн А. С. Стиль сочинения «О гибели Британии»: лексика и синтаксис // *Диалог с античностью в междисциплинарном контексте [Коллективная монография]* / отв. ред. Т. А. Шарыпина, М. К. Меньщикова. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского, 2023. С. 297–306.
16. Гаспаров М. Л. Античная риторика как система // Гаспаров М. Л. Избранные труды, том I. О поэтах. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 556–589.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Поэтическая специфика «О гибели Британии» Гильды и «Гесперийских речений»: прагматический аспект и доминантный анализ. К 135-летию со дня рождения Б. И. Ярхо (1889–1942)», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению особенностей текстов прошлых эпох, написанных на латинском языке.

Предметом рассмотрения в настоящей работе стало послание-проповедь бриттского писателя Гильды Премудрого «О гибели Британии» (*De excidio Britanniae*) и поэтический текст «Гесперийские речения» (*Hisperica Famina*), написанный на Британском архипелаге.

Данная работа опирается на постулаты выдающегося отечественного лингвиста Бориса Исааковича Ярхо, изложенные в «Методологии точного литературоведения».

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии,

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Отметим, что теоретические измышления проиллюстрированы языковыми примерами на латинском и русском языках, а также представлены убедительные данные, полученные в ходе исследования. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Библиография статьи насчитывает 16 источников, среди которых представлены работы как на русском, так и на английском языках.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно несоблюдение алфавитного принципа оформления источников.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Поэтическая специфика «О гибели Британии» Гильды и «Гесперийских речений»: прагматический аспект и доминантный анализ. К 135-летию со дня рождения Б. И. Ярхо (1889–1942)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.